

ЗАМЕТКИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА О НАМЕРЕНИИ И ДЕЙСТВИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: rodin.kir@gmail.com

Представленная в статье реконструкция заметок Витгенштейна о действии и намерении из «Философских исследований» нацелена на дальнейшее обсуждение продуктивности использования заметок Витгенштейна по теории действия в рамках социальной теории (и связанных исследований в области моральной философии и философии права) и приведена как пример последовательного соблюдения философом принципа контекстуализма (включенности социально-философских концепций и построений в контекст различных форм жизни и языковых практик). Через принцип контекстуализма в статье рассматриваются многочисленные попытки инкорпорирования философии позднего Витгенштейна в социальные и связанные исследования (Альбер Ожъен, Шанталь Муфф, этнометодология, сильная программа в социологии научного знания, социология цвета).

Ключевые слова: Витгенштейн, намерение, воля, интенция, теория действия, социальные практики, принцип контекстуальности, этнометодология

WITTGENSTEIN ON INTENTION AND ACTION IN THE PERSPECTIVE OF CONTEMPORARY APPROACHES IN SOCIAL THEORY

Kirill A. Rodin – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: rodin.kir@gmail.com

A sequential reconstruction of Wittgenstein's notes on action and intention (presented in this article) aims to stimulate a further discussion of the productivity of using Wittgenstein's notes on action theory within social theory (and within research in moral philosophy and philosophy of law). It provides as an illustration of Wittgenstein's consistent commitment to the principle of contextualism (suggesting an inextricable bond of social and philosophical concepts and their inclusion into various forms of life and linguistic practices). In terms of the principle of contextualism, the article examines numerous attempts to incorporate the philosophy of the late Wittgenstein into social and related research (Albert Ogién, Chantal Mouffe, ethnomethodology, Strong Programme in the sociology of scientific knowledge, the sociology of color).

Keywords: Wittgenstein, will, intention, theory of action, social practices, context principle, ethnomethodology

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10082П «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории».

Границы влияния Витгенштейна на социальные исследования

Философия Витгенштейна оказала влияние на различные подходы к переосмыслению социологии как науки (и в частности социальной эпистемологии) и в некоторой степени изменила подходы к полевым социальным исследованиям различного спектра. В первом случае Питер Уинч (инкорпорирующий идеи позднего Витгенштейна в социальную теорию с целью критического пересмотра статуса социологии как научного знания) задал общую парадигму (разделяемую некоторыми социологами) и существенно повлиял на дискуссию относительно природы социального знания. Под влиянием Уинча в угоду и в соответствии с плюралистичным представлением Витгенштейна о несводимых друг к другу формах жизни и ускользающих от единообразного рассмотрения различных человеческих практиках многие социологи (и в первую очередь некоторые социальные теоретики) отказались от построения универсальной социальной эпистемологии и перешли к пониманию социологии как еще одной человеческой практики.

В случае же с отдельными программами социологических исследований возможное значение философии позднего Витгенштейна существенно зависит от интерпретаций. Ограничимся одним примером. В некоторых работах Дэвида Блура сильная программа в социологии научного знания (Блур, Барнс, Коллинз и др.) привлекла на свою сторону скептическое прочтение проблемы следования правилу (намеченной в поздних работах Витгенштейна в качестве очередной философской головоломки) и предпочла крипкеанское решение проблемы (где согласованность правила и правилосообразного действия определяется сообществом). В сильной программе наука как отдельная специфическая форма культуры не может претендовать на какое-то исключительное знание и находится – наравне с другими видами человеческой деятельности – под влиянием различных экономических и политических факторов. Помимо данной предпосылки (вполне согласующейся с работой Уинча), сильная программа в социологии научного знания исходит из гипотетической возможности отделить правила от практических действий и установить некоторый общий инвариант правилосообразного поведения. Принципы сильной программы предполагают универсальность и относительную независимость от частных сфер научной деятельности условий получения, распространения и игнорирования отдельных видов знания. И именно скептическая интерпретация проблемы следования правилу указывает на сообщество (ученых) как на необходимое опосредование между правилами и практическими действиями. Разнообразие способов согласования фактов (поступаемое воображаемым скептиком неограниченное разнообразие

теоретических альтернатив) ограничивается внешними факторами сообщества. Напротив: в рамках этнометодологического исследовательского проекта (конкурента сильной программы) отрицается возможность рассматривать правила в отрыве от организованных человеческих практик. Этнометодологический проект основывается на внутреннем непосредственном характере отношений между правилами и практиками (что согласуется с противоположной – антискептической – интерпретацией Витгенштейна) (см. подробнее: [Линч, 2003]).

Данный пример конкурирующих программ в социологии научного знания позволяет сделать предварительный вывод о характере влияния Витгенштейна на социальные исследования и социальную теорию. Обе программы в разной степени разделяют следующий принцип: не существует объективной, внешней по отношению к практикам и институтам определенной культуры, точки зрения. Наука (и социология, в том числе социология научного знания) неотделима от человеческих практик. Назовем данный принцип принципом контекстуализма. Сильная программа оказывается менее последовательной в соблюдении принципа контекстуализма, поскольку предполагает возможным относительно отдельное от практик универсальное рассмотрение правил (хотя и не рассматривает социологию как продукт объективной точки зрения). И напротив, этнометодологический проект более последовательно придерживается принципа контекстуализма и не предлагает никаких обобщающих универсальных теорий научного знания.

Но насколько принцип контекстуализма можно приписать Витгенштейну? И насколько принцип контекстуализма требует непосредственного обращения к текстам Витгенштейна? На первый вопрос можно ответить положительно. По Витгенштейну, цепочка обоснований завершается не в каком-то окончательном универсальном теоретическом усмотрении – но в действии (которое всегда лежит в основе той или иной языковой игры) (О достоверности, параграф 204 [Витгенштейн, 1994]). Разнообразие человеческих практик не может быть сведено к универсально-объясняющим принципам, или, точнее, объяснения неразрывно связаны и включены в контекст человеческих практик, языковых игр и форм жизни. На второй вопрос ответить сложнее. Вновь обратимся к примерам.

В недавней статье Мартин Куш показал актуальность разбора Витгенштейном нашей системы цветовых понятий (на основании заметок Витгенштейна о цвете [Wittgenstein, 1997]) в рамках отдельных подходов к исследованию психологии и социологии цвета. Различия в восприятии и обозначении цветов часто не переводятся в единую систему цветовых понятий. Мартин Куш отмечает некоторые предвидения Витгенштейна (ставшие теперь фактами) относительно невозможности полной универсализации цветовых понятий.

Система цветовых понятий до известной степени неотличима от культурного и исторического контекста (см. подробнее: [Kusch, 2014]). Другие заметки Витгенштейна («Заметки о “Золотой ветви” Дж. Фрезера» [Витгенштейн, 1989]) принципиально совместимы с некоторыми подходами в социологии религии и религиоведении. К примеру, Харви Грэм в работе «Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь» [Харви, 2020] в немногочисленных отступлениях методологического характера (в основном работа затрагивает непосредственное описание различных религиозных практик) бегло ссылается на Гарфинкеля (и этнометодологию в целом) и Витгенштейна. Грэм отстаивает необходимость непосредственного изучения повседневных религиозных практик вне навязывания западным и неавраамическим религиям и культам каких-то якобы универсально определяющих принципов, вроде веры в существование Бога.

Приведенные примеры говорят о Витгенштейне скорее как о случайном союзнике или попутчике. И однако ответ на второй вопрос не становится более легким. Приведенные в качестве примера исследования не основываются на Витгенштейне, но настолько частое обращение к Витгенштейну в совершенно различных социальных исследованиях не может не вызывать дополнительного интереса. Границы влияния Витгенштейна на социальную теорию можно успешно обозначить через принцип контекстуализма. Данный тезис мы и постараемся обосновать в дальнейшем при обращении к замечаниям Витгенштейна по теории действия.

Обычно изучение влияния Витгенштейна на социальные исследования не выходит за рамки проблем нормативности и рассмотрения природы правилосообразного поведения. Мы считаем необходимым проследить принцип контекстуализма в других текстах Витгенштейна (кроме непосредственно разбирающих проблему правилосообразного поведения или понятие формы жизни). Представленный ниже комментарий к замечаниям Витгенштейна по теории действия, соответственно, преследует две цели: 1. Мы хотим показать исключительную важность принципа контекстуализма (включенности социально-философских концепций и построений в контекст различных форм жизни и языковых практик) в любых попытках инкорпорирования Витгенштейна в социальную теорию. 2. Мы хотим высказать некоторые гипотезы о возможной продуктивности более непосредственного использования замечаний Витгенштейна по теории действия в социальной теории. К непосредственному обоснованию обозначенных тезисов мы перейдем в заключении статьи после рассмотрения замечаний Витгенштейна по теории действия и комментария к ним.

Витгенштейн о намерении и действии

Замечания Витгенштейна по теории действия преимущественно исчерпываются параграфами 611–647 «Философских исследований» [Wittgenstein, 1953] (далее в статье ссылки на ФИ приводятся в круглых скобках с указанием номера параграфа) и некоторыми наблюдениями из «Заметок по философии психологии» и Zettel [Wittgenstein, 1980; Витгенштейн, 2020]. В рассматриваемом фрагменте «Философских исследований» можно выделить несколько относительно самостоятельных разделов.

В параграфах 611–616 основная цель Витгенштейна – обозначить некоторые тупики различия между волей и действием. Различия между действием и произвольным движением достаточно тривиально: при намеренном поднятии руки нелепо будет в обычных контекстах утверждать: «здесь что-то происходит» или «движение руки происходит, когда происходит». Обычно мы не ждем поднятия руки – мы совершаем действие. Волевая составляющая действия отличает намеренное действие от произвольного движения. Далее Витгенштейн оговаривает и последовательно отбрасывает различные представления о воле как об отдельной от действия сущности. Витгенштейн отказывается от представления о воле как о каком-то отдельном переживаемом опыте (параграф 611). Волевание не обозначает и отдельного действия. Поэтому волевание нельзя вызвать, как можно вызвать какое-то действие. Из параграфов 611–613 следует: неверно рассматривать волевым акт как опыт, который нельзя вызвать, или же как отдельное действие, которое можно вызвать. Причина такого неверного представления о волевом акте (как о каком-то непосредственном и беспричинном вызывании) кроется в ложной картинке: воля представляется как одна из частей механизма. В действительности же никакой механизм или средство не используется для (намеренного) поднятия руки. Витгенштейн обсуждает и связь волеания с желанием. Желание также не средство произвольного (намеренного) движения рукой (614). Таким образом, Витгенштейн последовательно дает отрицательные описания волевого акта и воли: не опыт, не отдельное действие, не желание. Волевание безоговорочно понимается как действие (но не какой-то особенный, отдельный вид действия).

В параграфах 617–620 рассматриваются темпоральное и пространственное измерение воли. Данные четыре параграфа демонстрируют отсутствие пространственного и временного измерения воли. Во-первых, воля не имеет никакой пространственной точки приложения в теле (617). Во-вторых, субъект такой воли будто бы не имеет массы и лишен инерции. Витгенштейн проводит здесь (скрытую) аналогию с неподвижным перводвигателем Аристотеля.

Можно сказать: «тело мне не подчиняется»: пытаюсь поднять руку – рука не слушается. Однако нелепо сказать: «моя воля мне не подчиняется». По аналогии с неподвижным перводвигателем воля приводит – но не приводится в движение. Поэтому нельзя сказать: «я пытался захотеть (пытался произвести действие воли). В-третьих, «пытался» обязательно подразумевает возможность неудачи. Я могу пожелать что-то сделать именно потому, что я никогда не могу попытаться пожелать (618–619). Лишенный темпорального и пространственного измерения волевой акт представляется как бы вне опыта непротяженной точкой или острием иглы (620). Витгенштейн перечисляет ряд нелепых следствий (ложных идей) из отсутствия пространственного и темпорального измерения воли. После отказа рассматривать волю как опыт, желание или отдельное действие остается рассматривать волю как внепространственную и лишённую темпоральности «точку» (что нелепо). В Zettel, параграф 45, например, утверждается: «Намерение (интенция) не является ни душевным порывом, ни настроением, ни ощущением или представлением. Оно – не состояние сознания. У него нет подлинной длительности».

В параграфах 621 и 624–626 Витгенштейн рассматривает и отбрасывает определение воли (намерения) через кинестетическое ощущение. Параграф 621 стал хрестоматийным примером постановки основного вопроса современной аналитической теории действия. Когда я поднимаю руку, моя рука поднимается. Вычтем из факта «я поднимаю руку» «моя рука поднимается» и примем остаток за X. X = волевой акт (или намерение). Но тогда можно вернуться к параграфу 611 и к обсуждению волевого акта. Теперь же Витгенштейн предлагает рассмотреть другую конструкцию – кинестетическое ощущение. Пусть волевой акт = кинестетическое ощущение. Но рассмотрим идеомоторную теорию действия Джеймса. В идеомоторной теории воля редуцируется к представлению: опыт однажды совершенного действия отпечатывается в памяти в виде кинестетического образа и в дальнейшем гарантирует намеренность совершаемого действия. В намеренном действии кинестетический образ выполняет роль маршрутной карты или пускового механизма.

Но идеомоторная теория действия нелепа. В параграфе 624 предлагается мысленный эксперимент по отделению действия от кинестетического ощущения. Например: при определенном воздействии на головной мозг испытуемый мог бы ощущать движение руки (при фактическом отсутствии движения). Или можно попросить человека представить отсутствие движения при фактическом движении (попросить представить вместо движения только «определенные странные ощущения в мускулах и суставах»). В параграфе 625 критерием нашего знания нашего движения (поднятия руки) выступает не ощущение. Критерий – факт поднятия руки. В параграфе 625 ставится еще один мысленный эксперимент. Витгенштейн предлагает

представить ощупывание палкой твердого предмета. Здесь возникает проблема локализации и неоднозначности кинестетического ощущения. Мы бы описали ощущение твердого предмета никак не через давление палки на пальцы, но просто как неразложимое и несводимое чувство твердого предмета (как обычно и описывается подобное ощущение в языке) (см. подробнее о критике идеомоторной теории действия Витгенштейном в работе: [Scott, 1996]).

В параграфах 622 и 623 Витгенштейн вступает в конфликт с широко распространенным в теории действия тезисом, что намеренное действие обязательно включает попытку (см. краткий обзор по теме: [Alvarez, 2017]). Попытка в грамматике нашего языка связана с препятствием и с реальной (не просто логической) возможностью неудачи. Напротив, часто намеренные действия не предполагают наличия препятствия. Попытка (как и ощущение в идеомоторной теории) не определяет намерения и намеренного действия.

В параграфах 629–632 поднимается тема отношения между намеренным действием и предсказанием. Намеренные действия предсказуемы (629). В следующем параграфе (630) Витгенштейн предлагает рассмотреть две различные языковые игры. В первой предсказание основывается на знании некоторой техники или правил поведения (опытный гимнаст предсказуемо выполняет требуемые команды учителя). Во второй предсказание основано на знании естественных закономерностей (знание реакций различных металлов на кислоты). Витгенштейн указывает на принципиальное различие данных типов предсказания. В параграфе 632 утверждается, что мое решение совершить намеренное действие (или мое предсказание типа «я намереваюсь...») не есть причина действия. Соответственно, намеренное действие не является исполнением предсказания.

В параграфах 633–646 затрагивается проблема интерпретации намерения (произвольного действия). Витгенштейн окончательно постулирует намеченную в предыдущих параграфах внутреннюю неразрывную связь между намерением и действием. Рассматривается следующий пример: я еще не закончил говорить (или меня прервали) и намерен продолжать. Я могу быть уверен в правильности продолжения собственного высказывания – в согласии с исходным намерением сказать то-то и то-то: у меня мог бы быть план выступления или краткие заметки (см. также параграф 236 Zettel). Но возможны разные способы продолжить прерванное высказывание, разные интерпретации. В действительности же я никогда не выбираю среди различных вариантов продолжения (среди различных интерпретаций) (633–634). Никакие подробности выступления не дают завершенной картины до завершения высказывания. Поэтому и нет однозначного соответствия между намерением сказать то-то и то-то и состоявшимся высказыванием.

Перед нами известный скептический вариант постановки проблемы следования правилу. Скептицизм относительно правила

предполагает: 1. Никакие факты прошлого или настоящего не определяют однозначный правильный способ следования правилу. 2. Правило не содержит указания на способ собственного применения. 3. Никакая интерпретация правила не может считаться окончательной (всегда может существовать другая интерпретация). Каждый тезис можно повторить и для намерения. Проблема согласования намерения и действия, наравне с проблемой согласования правила и следования правилу, безоговорочно расценивается как типичная философская головоломка и недоразумение. Наравне с кинестетическим ощущением или желанием никакая интерпретация не может опосредовать связь между намерением и действием. В параграфах 642–646, соответственно, показывается неразрывная связь (отсутствие опосредования) между намерением и действием. Витгенштейн предлагает рассмотреть обстоятельства к высказыванию «я ненавижу кого-то в тот момент». Ситуация ненависти включает мысли, чувства и поступки (612). Возможный стыд за проявления ненависти связан не с изолированным намерением, стыдно не за намерение. Стыд вызывает ситуация или история целиком (643–644). За высказыванием «в какой-то момент я хотел...» не стоит никакого отдельного чувства. Скорее, на память придут связанные с ситуацией (ненависти) мысли, чувства и движения (645–646).

Намерение выражается в соответствующей ситуации и не может быть выражено иначе. Таким представляется вывод в рамках радикального следования обозначенному в начале статьи принципу контекстуализма. Намеренность (волевой произвольный характер) действия распознается из понятных человеку обстоятельств и не может быть объяснена никакими внешними к практической ситуации теоретическими конструкциями вроде кинестетического ощущения, представления, опыта, причины и следствия (что последовательно рассматривалось и отклонялось Витгенштейном на протяжении всего рассматриваемого фрагмента «Философских исследований»). «...если существо, которое предстает перед судом, абсолютно отлично от человека <...> решить, совершен ли существом поступок со злым умыслом, будет не только сложно, но (попросту) невозможно» (Zettel, параграф 350).

Итак. Основная нить заметок Витгенштейна по теории действия проходит через ряд отвергаемых и сводимых к нелепости предположений об отдельной природе намерения и о внешнем (через опосредование ощущением, попыткой или интерпретацией) соотношении намерения и действия. Витгенштейн отвергает любое опосредование между намерением и действием и любые попытки свести (или объяснить) намеренность действия к отдельным сущностям: воле, представлению, желанию, феноменальному опыту, кинестетическому ощущению, некоторому отдельному чувству (перечисленное неправомерно претендует одновременно и на исчерпывающее сущностное

описание воли или воления (намерения), и на роль связывающего посредника между волей (намерением) и действием). Можно вспомнить известное высказывание Витгенштейна: «...гармонию между мыслью и действительностью следует искать в грамматике языка». В частности, и связь между намерением и действием внутренне управляется грамматикой языка. Последняя разнообразными способами (нигде четко не фиксированными) связана с практикой (принятыми в сообществе практиками) и с человеческой формой жизни.

Теория действия и принцип контекстуализма

Вернемся к обозначенным в начале статьи тезисам о важном значении принципа контекстуальности в различных попытках инкорпорирования Витгенштейна в социальные исследования и о возможной продуктивности использования заметок Витгенштейна по теории действия в социальной теории. Замечания Витгенштейна по теории действия до сих пор не рассматривались в контексте социальных исследований (философская теория действия, очевидно, имеет мало общего с социальными теориями действия). Обратимся к недавней работе французского социолога Альбера Ожюена.

Ожюен кратко сформулировал релевантные для социологии идеи Витгенштейна следующим образом. Во-первых, в сравнении с детерминистской концепцией социальной нормативности Витгенштейн не признает единую конечную систему норм. Система норм представляет открытое множество контекстно зависимых нормативных порядков. Нормативные порядки включают внешние (связанные с обществом и общественными институтами) и внутренние (в порядке взаимодействия между людьми) ограничения. Во-вторых, социальная нормативность включена в «естественную историю человечества». Обязательные нормативные способы поведения и разговора формируются в процессе обучения и тренировки и включены в форму жизни. В-третьих, форма жизни представляет связанный с контекстом нормативный порядок. Только внутри некоторой формы жизни приобретают значение совместные действия и речевые практики. В-четвертых, включенные в повседневность рациональные суждения (через которые координируются и согласовываются действия) есть результат совместного действия людей (см. подробнее: [Ogien, 2018, p. 38]).

Опирающийся на данные постулаты теоретический подход в социологии хорошо сочетается с нашей попыткой встроить замечания о намеренном действии в общий контекст обсуждения человеческих практик. Такое сочетание легко проследить по отдельным замечаниям Витгенштейна о намерении и об отличии намеренного действия

от произвольного: 1) намеренность действия определяется общностью человеческих практик и языковых игр (внутри которых намеренность действия в обычных условиях не вызывает сомнений); 2) люди легко различают произвольные и произвольные действия; 3) намеренное действие всегда можно прекратить или прервать; 4) намеренных действий ожидают в ответ на приказ или просьбу; 5) намеренные действия последовательные и скоординированные (целенаправленные); 6) намеренные действия связаны с осознанным решением действовать; 7) намеренные действия расцениваются другими людьми определенным образом и могут повлечь определенные последствия. Некоторые из перечисленных идей сформулированы Витгенштейном напрямую, некоторые выступают очевидным следствием представленного выше рассмотрения ряда проблем философской теории действия.

Намеренные действия по преимуществу являются человеческой практикой. Намерение (за исключением элементарных случаев произвольного движения или поднятия руки и пр.) непосредственно составляет стихию социального действия. Не имеют особенного значения способы теоретического описания или отличия намеренных и ненамеренных действий. Отрицание единой конечной системы норм, единого подхода в исследовании различных форм жизни и внеконтекстуального рассмотрения нормативных порядков и практик (по Альберу Ожьеу) соответствует отказу рассматривать намерение в отрыве от различных практик человеческого действия и поведения (в том числе от языковых практик вменения вины и ответственности за намеренные действия). Знаменитый принцип Витгенштейна «не думай – смотри» («Философские исследования» 66), помимо необходимости описания реального употребления слов в рамках отдельных языковых игр взамен ненужного поиска общего (вырванного из контекстов употребления) значения некоторого слова, подразумевает и радикальный принцип контекстуальности в социологическом смысле: намеренное действие опознается из наблюдения соответствующей ситуации.

Любые универсально-теоретические построения принципиально зависимы и не исключены из описываемых контекстов. Как известно, основной интерес Дюркгейма как основателя социологии лежал в объяснении природы отношений между обществом и индивидами. Для Дюркгейма социология должна найти или задать какой-то опосредующий, внешний, связывающий индивидов и общество механизм. Для Витгенштейна же отношение между отдельными индивидами и обществом непосредственно проявляется в согласованном использовании повседневного языка в рамках разделяемых практик и совместных действий. Так и способность к намеренному действию принадлежит нашей форме жизни. Способность разделять намеренные действия и отличать намеренные действия от произвольных

(вместе с многообразием языковых игр по распознаванию намерения или вменению отдельным индивидам или группам людей мотивов и оснований действия) создает основу человеческой социальности. Возможность разделять ожидания и намерения с другими людьми – следствие нашей принадлежности естественной истории человечества. Таким образом, радикальный принцип контекстуальности требует отказаться от описания намерения как чего-то отличного от практических контекстов действия. Не существует предполагаемого Дюркгеймом внешнего опосредующего отдельного механизма между намерением индивида и общественными практиками.

Из вышесказанного можно сделать как минимум один существенный вывод. Последовательно отбраковывая различные философские теории действия, Витгенштейн показывает неразрывную связь намерения и действия (в социальном контексте). В дальнейшем такая неразрывная связь намерения и действия оставляет лишь одну возможность: говорить о намерении только в контексте различных человеческих практик. Такой вывод очевидно далек от реальных стратегий использования замечаний Витгенштейна по теории действия в рамках социальной теории или социальных исследований. Однако же представленное прочтение заметок Витгенштейна позволяет сделать дополнительный важный вывод (пусть и на уровне предположения) относительно второго поставленного в начале статьи вопроса: Витгенштейн наиболее радикальным образом и в наиболее широком теоретическом диапазоне придерживался принципа контекстуализма. И поэтому релевантные социальные исследования не могут при обсуждении собственных теоретических предпосылок полностью обойтись без работ Витгенштейна (хотя такие предпосылки и не были сформированы при непосредственном влиянии философа).

Обратимся дополнительно к работе Шанталь Муфф «Витгенштейн, политическая теория и демократия». Муфф указывает на неудовлетворительность различных попыток построения универсального обоснования предпочтительности демократической системы общества (очевидно не отрицая такую предпочтительность) и в частности пишет: «При рассмотрении проблемы с витгенштейнианских позиций на первый план выдвигается недостаточность всех попыток рационального обоснования либеральных демократических принципов, утверждается, что они должны быть избраны рациональными индивидами в идеализированных условиях, наподобие “завесы неведения” (Ролз) или “идеальной речевой ситуации” (Хабермас)». Далее Муфф цитирует критическое замечание Рорти в адрес Апеля и Хабермаса: «...придется отказаться от безнадежной задачи отыскания политически нейтральных посылок, посылок, которые могут быть доказаны любому, из которых выводится обязательность следования демократической политике» [Муфф, 2003, с. 156]. И даже делает

в конце статьи (опираясь на Стэнли Кэвелла) морально-политический вывод: «...понимание ответственности требует от нас, чтобы мы отказались от мечты о полном превосходстве и фантазии, что мы могли бы уйти от наших человеческих форм жизни» [Муфф, 2003, с. 164].

Последовательное отстаивание Витгенштейном принципа контекстуализма (который мы проследили в замечаниях Витгенштейна по теории действия) задает целый ряд новых перспектив в социальных и связанных исследованиях. К примеру, знаменитую работу Элизабет Энском [Anscombe, 1957], помимо некоторого продолжения и развития идей Витгенштейна по теории действия, можно рассматривать и как попытку реализовать принцип контекстуализма в моральной философии (Энском была, в частности, мотивирована стремлением преодолеть доминирование этического консеквенциализма). Тема намерения и намеренного действия может иметь актуальность и в работах по философии права.

Основной результат нашего обсуждения можно свести к двум утверждениям. Во-первых, многочисленные способы инкорпорирования философии позднего Витгенштейна в социальную теорию должны рассматриваться и оцениваться через принцип контекстуализма (включенности социально-философских концепций и построений в контекст различных форм жизни и языковых практик). И, во-вторых, продуктивность любых попыток обращения к текстам философа в рамках социологии зависит от адекватного (т.е. опять же в согласии с принципом контекстуализма) прочтения Витгенштейна. Последнее мы и попытались показать на примере замечаний Витгенштейна по теории действия.

Список литературы

- Витгенштейн, 1989 – *Витгенштейн Л.* Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрезера // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 251–268.
- Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* О достоверности // Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 410–493.
- Витгенштейн, 2020 – *Витгенштейн Л.* Zettel. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 240 с.
- Линч, 2003 – *Линч М.* Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. 2003. № 1–2. С. 155–213.
- Муфф, 2003 – *Муфф Ш.* Витгенштейн, политическая теория и демократия // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 153–165.
- Харви, 2020 – *Харви Г.* Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 368 с.

References

Alvarez, 2017 – Alvarez, M. “Wittgenstein on Action and the Will”, in: H.-J. Glock and J. Hyman. *A Companion to Wittgenstein*. Oxford: Blackwell, 2017, pp. 491–501.

Anscombe, 1957 – Anscombe, G.E.M. *Intention*. Oxford: Blackwell, 1957.

Harvey, G. *Seks, eda i neznamomcy. Religiya kak povsednevnyaya zhizn'* [Food, Sex and Strangers. Understanding Religion as Everyday Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 368 pp. (In Russian)

Kusch, 2014 – Kusch, M. “Wittgenstein as a Commentator on the Psychology and Anthropology of Colour”, in: S. Riegelnik & F.A. Gierlinger. *Wittgenstein on Colour*. De Gruyter, 2014, pp. 93–108.

Lynch, M. “Razvivaya Vitgenshteina: reshayushchii shag ot epistemologii k sotsiologii nauki” [Developing Wittgenstein: A Decisive Step from Epistemology to the Sociology of Science], *Sociology of Power*, 2003, no. 1–2, pp. 155–213. (In Russian)

Mouffe, Ch. *Witgenshtejn, politicheskaya teoriya i demokratiya* [Wittgenstein, Political Theory and Democracy], *Logos*, 2003, no. 4–5 (39), pp. 153–165. (In Russian)

Ogien, 2018 – Ogien, A. *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018, 120 pp.

Scott, 1996 – Scott, M. “Wittgenstein’s Philosophy of Action”, *The Philosophical Quarterly*, 1996, vol. 46, pp. 347–363.

Wittgenstein, 1953 – Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations*, G.E.M. Anscombe and R. Rhees (eds.). Oxford: Blackwell, 1953.

Wittgenstein, L. *Remarks on the Philosophy of Psychology*, vol. 1, G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright (eds.). Oxford: Blackwell, 1980.

Wittgenstein, L. “O dostovernosti” [On Certainty], in: L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works, Part I]. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 410–493. (In Russian)

Wittgenstein, L. “Zametki o ‘Zolotoj vetvi’ Dzh. Frezera” [Remarks on Frazer’s Golden Bough], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook]. Moscow: Nauka, 1989, pp. 251–268. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Remarks on Colour*, G.E.M. Anscombe (ed.). Oxford: Blackwell, 1997.

Wittgenstein, L. *Zettel*. Moscow: Ad Marginem Press, 2020, 240 pp. (In Russian)